

DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.060

УДК 811.161.1'366.56 + 811.161.1'373 + 81'42

Б. Ю. Норман

1) *Белорусский государственный
университет*

Минск, Республика Беларусь

2) *Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

ОСОБАЯ ПРАГМАТИКА 3-ГО ЛИЦА*

Категория грамматического лица служит для распределения синтаксических ролей среди участников речевого акта. Это типичный шифтер, обеспечивающий переход от языковой системы к речевой реальности (Р. Якобсон). 1-е лицо обозначает говорящего, 2-е лицо — слушающего (адресата речи). У 3-го лица особое положение в системе лиц: оно обозначает предмет или человека, не участвующего в акте общения. Поэтому некоторые ученые считают его «не-лицом» (Э. Бенвенист). Тем не менее, в русском языке встречаются ситуации, когда 3-е лицо используется для обозначения слушающего (адресата), и при этом передается или значение подчеркнутой вежливости (уважения) или, наоборот, антивежливости (неодобрения, возмущения и т. д.). В первом случае 3-е лицо подчеркивает особый статус адресата, например: *Чего желает уважаемый гость?* Для русского языка это несколько архаичное средство. Но существуют и современные жанровые условия, в которых 3-е лицо, используемое по отношению к собеседнику, получает положительную коннотацию. Это публичное интервью с известными личностями, когда обращение приобретает дополнительную репрезентативную функцию. Во втором случае 3-е лицо имеет негативную окраску, оно используется для демонстративного исключения собеседника из круга участников коммуникации (например, *Она еще будет меня учить!*). При этом смена лица (со 2-го на 3-е) может сопровождаться изменением грамматического времени или числа. В статье описываются сопутствующие языковые средства (выступающие

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005 «Репрезентация и интерпретация внутреннего мира человека в русском языке: семантика, дискурс, прагматика»).

вместе с 3-м лицом) и соответствующие дискурсивные условия. Во всех случаях использование 3-го лица по отношению к собеседнику представляет собой сильное прагматическое средство. Представлены примеры из русской художественной литературы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: грамматическое лицо; слушающий; диалог; интервью; дискурс; прагматика; вежливость; речевой конфликт.

Ц и т и р о в а н и е: *Норман Б. Ю.* Особая прагматика 3-го лица. DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.060 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 3 (190). С. 255–268.

Поступила в редакцию 05.01.2019

Принята к печати 21.06.2019

Boris Ju. Norman

1) *Belarusian State University*
Minsk, Republic of Belarus

2) *Ural Federal University*
Yekaterinburg, Russia

SPECIAL PRAGMATICS OF THE THIRD PERSON

The category of grammatical person serves for the distribution of syntactic roles among the participants of speech acts. This is a typical shifter that provides the transition from the language system to speech reality. The first person denotes the speaker, while the second person denotes the person spoken to (hearer). The third person has a special position in the system of persons, i.e. it denotes an object or person who does not participate in the communicative act. Therefore, some scholars consider it “non-person” (É. Benveniste). Nevertheless, there are situations in the Russian language when the third person is used to designate the hearer, with either emphasised politeness (respect) or, vice versa, anti-politeness (disapprobation, indignation, etc.). In the first case, the third person emphasises the special status of the addressee, for example *Чего желает уважаемый гость?* For the Russian language, it is a somewhat archaic means. But there are modern genre conditions in which the third person used in relation to the interlocutor receives a positive connotation. This is a public interview with famous people when the appeal acquires an additional representative function. In the second case, the third person has a negative connotation; it is used to deliberately exclude the interlocutor from the circle of communication participants (for example *Она еще будет меня учить!*). In this case, a change of person (from second to third) may be accompanied by a change in the grammatical tense or number. In all cases, the use of the third person in relation to the interlocutor is a powerful pragmatic tool. The article refers to examples from Russian fiction.

К е у w o r d s: grammatical person; hearer; dialogue; interview; discourse; pragmatics; politeness; speech conflict.

Acknowledgements

The study was supported by a grant of the *Russian Scientific Foundation* (project 16-18-02005 “The Representation and Interpretation of Man’s Inner World in the Russian Language: Semantics, Discourse, Pragmatics”).

Citation: Norman, B. Ju. (2019). Osobaia pragmatika 3-go litsa [Special Pragmatics of the Third Person]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 3 (190), 255–268. doi: 10.15826/izv2.2019.21.3.060

Submitted on 05 January, 2019

Accepted on 21 June, 2019

Грамматическое лицо — категория, распределяющая коммуникативные роли между участниками речевого акта. Формы 1-го лица служат своего рода точкой отсчета для говорящего: это основной способ его речевой самопрезентации, психологический символ границ его личной сферы. 2-е лицо, обозначающее позицию слушающего (конкретного или потенциального), замыкает собой круг общения. Со времен известной работы Р. Якобсона [Jakobson] в языке принято выделять класс *шифтеров* — «подвижных определителей», совмещающих в себе роли символа и индекса. К таким «дискурсивным словам» относят прежде всего личные местоимения, хотя, как известно, аналогичные функции успешно выполняются личными окончаниями глагола.

В реальности при разговоре, кроме собеседников, могут присутствовать и другие люди, однако язык своими средствами проводит условную границу — между участниками коммуникации и всеми остальными — теми, кто не участвует непосредственно в общении. Тем самым 3-е лицо оценивается в социопсихологическом плане наиболее низко: оно обозначает субстанции, находящиеся за границами коммуникативного акта. Это «некто» и «нечто», требующие именования (в отличие от 1-го и 2-го лиц, данных «самими по себе» в глагольных или местоименных формах). Даже если говорящий и слушающий в ходе диалога обмениваются своими ролями, это не меняет их противопоставленности объектам, составляющим тему разговора, но не более того.

Э. Бенвенист, исследуя природу глагольных форм, характеризовал 3-е лицо как «не-лицо» или «отсутствующее лицо»: «Так как третье лицо не предполагает никакого лица, оно может принимать любой субъект или не иметь никакого субъекта, и этот субъект, выраженный или невыраженный, никогда не представляется как “лицо”» [Бенвенист, с. 264]. Судя по всему, в этой цитате смешиваются два значения слова *лицо*: общеупотребительное («человек», «персона») и терминологическое, собственно шифтерное. Но особое положение 3-го лица применительно к коммуникативному акту действительно обосновывает глобальную оппозицию, в которой 1-е и 2-е лицо составляют один совокупный полюс, а 3-е лицо — другой полюс, иную семиотическую константу. Это проявляется, в частности, в развитии целого класса безличных глагольных форм и синтаксических конструкций, составляющих важную часть грамматики славянских языков.

Однако при такой в целом ясной картине практика русской речи демонстрирует нам некоторые случаи функционирования форм 3-го лица, требующие специального лингвистического комментария.

В частности, человек может и сам подумать или сказать о себе в 3-м лице. Это своего рода объективизация описываемой ситуации, попытка говорящего взглянуть на себя со стороны:

Он зажег свет, лег на кушетку и накрылся пальто. Почему-то было неудобно кисти левой руки. Ах, конечно, часы. Он снял их, завел, да еще при этом подумал: «Удивительная вещь, этот человек сохраняет полное хладнокровие. Он даже не забывает завести часы. Это хорошо» (*В. Набоков. Подлец*)¹.

Он казался себе очень спокойным и взрослым. Поджимал губы, делал твердое лицо, рассматривал себя в оконном стекле, думал о себе в третьем лице разные вещи (*А. Битов. Дверь*).

Существуют в русском языке стандартные формулы, в которых говорящий даже обязан назвать себя в 3-м лице. Это, в частности, начало телефонного разговора (*Вас беспокоит Иванов*), доклад воинскому командиру (*Рядовой Иванов по вашему приказанию прибыл*), объявление в салоне самолета (*Говорит командир корабля*) или в зале суда (*Суд удаляется на совещание*) и т. п. Но перечень этих формул «самопрезентации» невелик, фактически они заданы списком.

Значительно интереснее, когда форма 3-го лица (местоимения или глагола) употребляется по отношению к собеседнику (адресату речи). Ясно, что перед нами своего рода речевая аномалия, нарушение коммуникативного стандарта. И, выводя слушающего за пределы непосредственного диалога, говорящий, очевидно, должен преследовать какие-то особые цели.

Конечно, человек может оказаться в позиции «случайного» 3-го лица — свидетеля разговора, в котором затрагивается его личность [Норман, 2017, с. 268–270]. В таком случае он ощущает недостаточное уважение или даже пренебрежение к себе; язык как бы сигнализирует: «Тебя это не касается». Такое снижение речевого статуса порождает по меньшей мере чувство неловкости, дискомфорта. Примеры:

Так они продолжали долго, говоря то о картах, то обо мне, как будто меня не было в комнате, как будто я был тенью или бессловесным существом, — и эта их шуточная привычка, оставлявшая меня прежде равнодушным, теперь казалась мне полной значения, точно я и вправду присутствую только в качестве отражения, а тело мое — далеко (*В. Набоков. Отчаяние*).

Некоторое время они говорят обо мне в моем присутствии так, как будто меня здесь нет. А я стою, прислонившись к стенке с идиотской улыбкой... (*А. Арканов. Вареная курица в четверг*).

¹ Полные сведения об изданиях, из которых взяты литературные контексты, см. в списке источников.

Если другой человек говорит о присутствующем «он», или «этот», или «тот», то это вполне может быть произнесено сознательно и тогда будет воспринято адресатом как прямая обида, угроза или даже оскорбление, ср. примеры:

Пастернак... говорил о вещах простых... Я вдруг подняла голову и сказала: «Единственная в мире страна, которая справилась с рабочим движением...» Пастернак вздрогнул, как мне показалось, от отвращения, и спросил Мандельштама «Что *она* там говорит?» Я точно помню, что он сказал обо мне в третьем лице... (Н. Мандельштам. Вторая книга).

— За вами стоял, гражданин? — наконец обращается он к лысому. <...>

— За мной, — признается кто-то.

— А ты за кем? Вон за *тем*, что ли?

Седой, благообразный старик вдруг вспылил:

— *Что значит — за тем? Как вы смеее — за тем?*

Тот стоит, смотрит. Потом говорит:

— Извините... (В. Попов. На прощанье).

Характерны и авторские комментарии к такому использованию третьеличного местоимения в приведенных контекстах: *вздрогнул от отвращения, вспылил*... Очевидно, что 3-е лицо в пейоративной функции выступает в комплексе с прономинализацией: вместо имени — собственного или нарицательного (которое говорящему наверняка известно) — человек обозначается безликим местоимением! «Обезличивание» участника речевого акта, его деперсонализация — верный путь к разрастанию конфликта, а далее все зависит от распределения социальных ролей в разговоре (типа «главарь» — «новичок», «мать» — «дочь» и т. п.), ср. следующие цитаты:

Жирные щеки Свистка, изображая веселье, задрожали, а маленькие глазки поползли с рук на лицо Сержа. — А *этот* такой молоденький. Прямо цыпленочек. — Он говорил о Серже в третьем лице, как об отсутствующем.

С Сержа слетел весь гонор (Н. Леонов. Трактир на Пятницкой).

— Мы с бабушкой в восемь встали и на дачу отправились, а *эта* спала. Знаете, что меня взбесило?

— Говори.

— *Эта* у меня из шкафа розовую футболку взяла! (Д. Донцова. Но-шпа на троих).

Особое положение, которое занимают среди шифтеров формы 3-го лица, отражается в разнообразных с психологической точки зрения речевых коллизиях. И тут мы еще раз обратимся к статье Э. Бенвениста: «Благодаря своему статусу неличной формы “третье лицо” приобретает способность становиться и формой уважения, которая возвышает человека над уровнем обычного лица, и формой оскорбления, которая может уничтожить его как лицо» [Бенвенист, с. 265].

Действительно, референтная «опустошенность» 3-го лица позволяет использовать его в речи как своего рода джокер, наделяя тем или иным прагматическим

значением (вплоть до полярно противоположных). Можно сказать, что в графическом представлении употребление 3-го лица образует своего рода параболу, положительная и отрицательная ветви которой максимально удалены от стандартного нейтрального значения «неучастия в речевом акте».

Начнем с «положительной» ветви. В русском языке с помощью 3-го лица речевой статус собеседника может повышаться, объективизироваться до некоторого надстандартного уровня. Существуют устойчивые лексические формулы обращения, рассчитанные на такой эффект, например: *Чего желает уважаемый гость? Не хочет ли высказаться господин президент?* Тому же служат уже устаревающие или иронические обозначения, включающие в себя местоимение *ваш*, типа *ваша милость*, *ваше благородие*, *ваше сиятельство*; вполне живое *ваш брат* и т. п., ср.:

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ. ...А что было бы, если бы то же самое случилось с волшебным мечом?

ГЕНЕРАЛ. Ну, мало ли что бывает!.. Уж не прикажет ли *господин министр* драться на войне палками? (*С. Маршак*. Умные вещи).

Я говорю:

— Где же это *ваша милость* пропадает?

Мишка говорит:

— Ситро пил (*Д. Драгунский*. Ровно 25 кило).

П. Форчхаймер, охвативший своим обзором множество экзотических языков, свидетельствует, что такое описательное обозначение адресата речи нередко сопровождается плюральной формой глагола [Forchheimer, p. 38]. Множественное число здесь по-своему подчеркивает степень уважения. Очевидно, для подобного использования «статусных» существительных в качестве обращения необходимы определенные личностные условия: степень знакомства или зависимости собеседников, стиль общения (официоз или ирония) и т. п.

Именование собеседника «статусным» существительным (вся конструкция при этом, разумеется, строится в 3-м лице) активно используется в исторических повествованиях как выражение подчеркнутого уважения, даже подобострастия. Характерны, например, те фрагменты романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», в которых начальник тайной службы Афраний обращается к прокуратору Иудеи Понтию Пилату (в тексте оговаривается: «пришедший говорил по-латыни»). Это, в частности, такие фразы, как: *Прокуратору здравствовать и радоваться! Я слушаю приказания прокуратора; Прокуратор не любит Ершалаима? Прокуратор, как всегда, тонко понимает вопрос; Прокуратор слишком добр! Что именно интересует прокуратора? Прокуратор может быть уверен в этом* и т. д. Понятно, что в данном случае мы имеем дело с некоторой стилизацией (архаизацией) речи.

Заметим также, что некоторые славянские языки (польский, чешский, словацкий) канонизировали форму 3-го лица с десемантизированным *Ran* в качестве вежливого обращения или упоминания. Скажем, польское *Czy mówię Pan*

po rosyjsku? означает «Вы говорите по-русски?». Возможно, скрытая отсылка к архаичным или «западным» формам этикета служит дополнительной предпосылкой к употреблению гоноративных форм 3-го лица в русской речи.

Но, кроме указанных предпосылок, на употребление формы 3-го лица в качестве обращения к собеседнику действуют еще некоторые дискурсивные факторы. Речь идет о традициях определенных литературных или публицистических жанров — в частности, жанра публичного интервью.

Здесь нередка ситуация, когда вопрос интервьюера вместо вежливого *вы* включает в себя фамилию и/или статус интервьюируемого (разумеется, вся конструкция строится в 3-м лице). Так, популярный еженедельник «Аргументы и факты» регулярно публикует в своих номерах интервью с известными личностями: российскими режиссерами, актерами, певцами, художниками, писателями. Приведем в качестве примеров несколько реплик интервьюера.

В основе ленты — судьбы звезд советской эстрады, в том числе и народной артистки СССР Эдиты Пьехи. Как жила и как живет сегодня *легендарная певица*? (АиФ, 2015, № 9; вместо: *как вы жили и как живете...*).

Стоянова считают специалистом по женским душам — столько женских ролей сыграно вами в «Городке» (АиФ, 2018, № 36; вместо: *вас считают специалистом...*).

Знаю, *Серебряков* — собачник. Сколько у вас собак? (АиФ, 2018, № 39; вместо: *знаю, вы — собачник*).

У вас ведь не так давно появилась еще одна «роль» — стали петь в группе «Крестный папа». Музыка для *Безрукова* — возможность поведать то, что не сказано в кино, в театре? (АиФ, 2018, № 47; вместо: *музыка для вас*).

Сегодня достаточно часто вспоминают советскую культуру с ее худсоветами — мол, этот институт сдерживал безвкусицу. Судя по тому, что вы говорите, *Гафт* — за возврат цензуры? (АиФ, 2018, № 51; вместо: *вы — за возврат цензуры?*).

Первое условие такого способа обозначения собеседника через 3-е лицо — это специфический речевой акт — интеррогатив (вопрос, запрос информации). Причем это должна быть ситуация публичного общения (подразумевающая некоторый общественный фон), и вопрос к собеседнику ставится, так сказать, «от имени публики». Подобный журналистский прием свойствен и другим славянским языкам [см.: Пехливанова, Буров].

То, что в качестве адресата выступает известная, публичная личность, позволяет сделать ее представителем некоторой части социальной элиты (подразумевается смысл ‘такой, как вы’, ‘один из подобных вам’). И долг журналиста — представить артиста публике, напомнить его фамилию, а возможно, и какие-то иные достоинства («легендарная певица» и т. п.). В частном случае интервьюер может процитировать какую-то автохарактеристику артиста; это тоже освобождает его от необходимости повторять в качестве обращения личное местоимение. Вот певица В. Цыганова сетует на обилие программ со сценами насилия на российском телевидении:

Вы же видите, сколько на разных каналах идет бандитских сериалов. Это я их пропагандирую, что ли? Это делают наши федеральные каналы за государственный счет. А вы простую девушку спрашиваете о таких серьезных вещах (смеется).

На что корреспондент реагирует цитатным обращением:

— Может мне *«простая девушка»* сказать, зачем она хотела попасть на проект «Дом-2»... (АиФ, 2018, № 45; вместо: *зачем вы хотели попасть?*).

Получается, что используемые в интервью формы 3-го лица в применении к собеседнику совмещают в себе по крайней две функции: с одной стороны, это функция обращения, а с другой — функция репрезентативная, вводящая артиста в круг зрительских интересов. И хотя можно говорить о формах 3-го лица как одном из жанрообразующих средств интервью, следует признать, что и за границами данного дискурса обращение часто скрывает за собой «представительскую» подоплеку. Вот, например, один из участников гаражного кооператива выступает на собрании дольщиков:

СИДОРИН. ...(Смирновскому.) Павел Константинович! *Вы крупный ученый*, говорят, с мировым именем. *Вы — член-корреспондент*, в институте все зависят от вас... (Э. Брагинский, Э. Рязанов. Гараж).

Спрашивается: кому, зачем он это говорит? Ясно, что по форме это обращение к Смирновскому, а по сути — это презентация Смирновского, его статуса и роли в коллективе. Иначе говоря, эти слова рассчитаны не столько на самого ученого, сколько на внимание собравшихся.

Если имя существительное содержит в себе оценочную коннотацию, то при именовании собеседника (т. е. адресат опять-таки выступает в 3-м лице) в нем могут актуализироваться различные эмоции — упрек, гордость, сожаление и т. п. Пример:

— Алеша, донеслось из маминой комнаты, — я сейчас схожу ненадолго, а ты сиди и занимайся. Просто стыд, как мне приходится краснеть за тебя на собраниях. *И это внук Скропышева!* — добавила она со скорбью (А. Битов. Фиг).

Здесь *И это внук Скропышева!* — не просто констатация факта, а выражение эмоции, которое должно достичь ушей Алеши («и это ты — внук Скропышева»).

Таким образом, формы 3-го лица, используемые в качестве прямого или косвенного обращения к собеседнику, придают высказыванию сильные прагматические оттенки; при этом они могут сочетать в себе различные функции.

Однако до сих пор речь шла о, так сказать, положительной ветви семантической параболы 3-го лица в особых речевых ситуациях. Истинная амбивалентность этой формы обнаруживается при сравнении с ее употреблением в негативных, пейоративных значениях.

Как уже говорилось, обозначить присутствующего человека формой 3-го лица — значит в принципе устранить его из речевого акта, вывести за его пределы.

Это конфронтативная, конфликтогенная тактика, часто встречающаяся вместе с повтором предыдущей реплики. В таком случае 3-е лицо выступает как языковое средство выражения «антивежливости» [Норман, 2018, с. 191–193]. Примеры из литературных источников:

— Да ведь я израненный нашей проклятой жизнью! Но главное, конечно, я в душу раненный, так сказать...

— В душу *он раненный*, бедолага, — съехидничал я. — Жулик ты порядочный, вот ты кто... (*В. Пьецух*. Я и прочее).

— Нормальные у ней азеры живут, с рынка, при регистрации, я их знаю, все тип-топ...

— *Знает он их!* — запоздало возмущалась, глядя на меня, женщина (*Д. Донцова*. Бенефис мартовской кошки).

СОЛОВЕЙ. Райка, тебе пить нельзя, ты лаять начинаешь, тихо!

РАИСА. Да я еще не пила!

АНТОНИНА. А я вообще молчу.

РАИСА. *Молчит она*. Вам хорошо, вы всю жизнь в золоте плавали, а я, бедная? (*Н. Коляда*. Землемер).

— Прекрасный город, — возразила Маша. — Жаль только, мы его и не видели совсем. Нам надо туда просто так поехать, без работы. Он вам понравится, Дмитрий Андреевич, обещаю вам.

— Да не надо мне ничего обещать, — вдруг вспылел Родионов. — *Обещает она мне!* (*Т. Устинова*. Саквояж со светлым будущим).

— Если не будешь кормить, я с тобой разведусь, — пообещала Настя, рисуя на экране таблицу.

— Да куда тебе! *Разведется она*, — проворчал Чистяков, собирая со стола свои записи. — Тебе даже бутерброд сделать лень, не то что разводиться (*А. Маринина*. Убийца поневоле).

В приведенных цитатах говорящий представляет присутствующего собеседника как бы со стороны; тем самым он формально обобщает, «объективизирует» свою точку зрения. Но по сути он выражает свое несогласие с только что произнесенной репликой или даже негодование по поводу сказанного. (Показателен и сопровождающий авторский комментарий — глаголы *съехидничать*, *возмущаться*, *вспылить*, *проворчать*.) Одновременно «отстранение» собеседника призвано повысить речевой статус самого говорящего: он пытается таким образом оправдать свои негативные эмоции. Разумеется, делает он это не вполне осознанно, такая транспозиция лица входит в число языковых «техник».

Характерна для подобного использования форм 3-го лица инверсия — глагольная форма предшествует личному местоимению, рематическая часть высказывания переносится в позицию темы. Кроме того, в устной речи очень важна особая — передразнивающая, издевательская — интонация. Иными словами, конфронтативная реакция использует целый комплект языковых средств,

причем среди ее составляющих доминирующая роль принадлежит самому факту дублирования реплики, препозиции глагольной формы и ее эмфатическому выделению, а перевод реплики в 3-е лицо — скорее дополнительное, сопровождающее и усиливающее, средство. В монографии Н. Ю. Шведовой, в которой существенное внимание уделялось репликам-повторам, в том числе с экспрессивными оттенками недовольства, раздражения, пренебрежения, было показано, что разные виды отрицательного отношения к сказанному не обязательно требуют формального вывода собеседника за пределы коммуникативного акта. «Насмешливое недоверие, окрашенное иронией возражение выражается повторением глагольной формы, сопровождаемой постпозитивным местоимением-подлежащим» [Шведова, с. 308]. Там же приводились примеры диалогов: *Я чувствую — Чувствуешь ты! Я заплачу — Заплатишь ты!* и т. п.

Н. Ю. Шведова отмечала также используемый в репликах-повторах перевод ситуации в будущее время (*Он увилькает — Увильнет он! Врет он. — Соврет он у меня!*), преследующий выражение «угрожающего запрещения» [Там же, с. 351]. Очевидно, что транспозиция лица в сочетании с транспозицией времени только усиливает данную коммуникативную интенцию. Актуальную ситуацию момента речи говорящий представляет как фантастическую, невероятную, перенося ее в план будущего. Перед нами — речевой прием, используемый в ситуациях несогласия, неодобрения, раздражения, негодования. Симптоматично, что повтор контактной реплики (как в прошлом случае) здесь не обязателен, достаточно семантической связи между ними. Примеры:

— Почему вы выскочили заступаться за продавцов? Я, правда, не был вчера в магазине...

— Иди проспись сперва! Понял? *Он еще будет останавливать...* «Поговорить». Я те поговорю! Поговоришь у меня в другом месте! (*В. Шукшин*. Обида).

Они оба замолчали, уставились друг на друга, сбившись с толку. Потом старик, пряча глаза, забормотал, пытаясь опять разъяриться, но у него никак не получалось:

— Про любовь *она мне будет...* Твой-то, гладкий, приехал, понюхал, чем пахнет, да и от ворот поворот, плюнул, да и уехал... (*Ф. Кнорре*. Родная кровь).

— ...Как только фээсбэшники и журналисты докопаются до вот этого, — и она постучала красным ноготком по договору, — а они докопаются, у них сразу возникнут к вам вопросы. И к Баширову тоже, между прочим.

— Да идите вы к черту! *Пугать она меня будет!* Вы договор прочитали, который я вам показал по крайней душевной доброте? И давайте чешите отсюда, рабочий день в разгаре! (*Т. Устинова*. Пять шагов по облакам).

Запрет, да еще совмещенный с угрозой, — эффективный речевой акт, сопровождаемый высокой степенью экспрессии и способный изменить развитие коммуникативной ситуации. Разумеется, говорящий применяет его автоматически, не задумываясь об особенностях семантики 3-го лица и будущего времени. Прагматика тут доминирует над грамматикой.

Свою лепту в формирование атмосферы диалога вносит и взаимодействие категорий лица и числа. Выше мы уже говорили о возможности использования плюральных форм для выражения подчеркнутого уважения. Но те же формы множественного числа могут применяться в ситуации несогласия, дезапробации — тогда они способствуют «обезличиванию» собеседника. В следующем отрывке из рассказа А. П. Чехова персонаж по фамилии Пимфов обращается к собеседнику со словами: *Вы говорите* (2-е лицо), и тут же, через пару предложений, обозначает ситуацию как *говорят* (3-е лицо). Речь идет об употреблении на письме буквы *ять*:

— ...Для чего он, спрашивается? Напиши ты хлеб с ятем или без ятя, нешто не все равно?

— Бог знает, что *вы говорите*, Илья Мартыныч! — обижается Пимфов. — Как же это можно хлеб через *е* писать? Такое *говорят*, что слушать даже неприятно (А. П. Чехов. Мыслитель).

Здесь *говорят* — не столько выведение собеседника за пределы речевого акта, сколько осуждение его через принижение речевого статуса: Илья Мартыныч оказывается уже «недостойн» упоминания во 2-м лице. Сложная психологическая коллизия обозначается с помощью доступных языковых средств — и назревает речевой конфликт.

В другом рассказе писателя перебив лица в обращении к собеседнику подкрепляется сменой не только числа, но и временного плана (настоящее время противопоставляется прошедшему). Отец семейства разговаривает с несостоявшимся женихом для своей дочери:

— ...Милостивый государь, *вы... отвиливаете...* Нечестно-с!

— Я... я... я не знаю, как же это я отвиливаю?

— *Ходил* сюда целое лето, *ел, пил, обнадеживал*, балясы тут с девчонками от зари до зари *точил*, и вдруг, на тебе, уезжаю!

— Я... я не обнадеживал...

— Конечно, предложения *вы не делали*, да разве не видно было, к чему клонились *ваши поступки*? (А. П. Чехов. Жених и папенька).

Здесь словоформы *ходил, ел, пил, обнадеживал, точил* рисуют ситуацию как бы объективно, со стороны, а сам деятель (молодой гость) из собеседника на это время превращается в «постороннее лицо». Затем 2-е лицо в обращении восстанавливается (*вы не делали, ваши поступки*), но психологический «укол» уже нанесен. Писатель мастерски использует возможности русского языка, чтобы показать атмосферу диалога и его развитие.

К подобным случаям использования форм лица, времени, числа вполне применимо следующее заключение: «Языковая техника, отражая предшествующие стадии мышления, не всегда отвечает требованиям современной научной идеологии» [Виноградов, с. 89]. Это значит, что формальные средства языка начинают использоваться в новых, вторичных функциях, первичные же их

функции отходят в тень. Сочетаемость граммемы 3-го лица с различными временами и числами составляет особую проблему [см.: Норман, 1999, с. 216–220]; в нашем же случае все осложняется очевидным экспрессивно-стилистическим эффектом, ради которого эти третьеличные конструкции и используются.

Таким образом, 3-е лицо может использоваться в русском языке как в целях передачи маркированной позитивной вежливости, так и в качестве средства «негативной вежливости», антипатии, возмущения или негодования. При этом следует подчеркнуть два уже отмеченных условия.

Во-первых, такое 3-е лицо используется в комплексе с другими языковыми средствами. Прежде всего, «подчеркнутая вежливость» сочетается с выбором определенных лексических средств (формул типа *ваша милость*, имени или статусных обозначений собеседника). «Подчеркнутая антивежливость» предполагает свои языковые составляющие. Это обозначение собеседника личным местоимением 3-го лица (часто в составе ответной реплики-повтора), возможность сочетания с глагольными формами будущего времени, характерная интонация (эмфатическое выделение глагола) и др.

Во-вторых, особые, прагматически насыщенные случаи употребления 3-го лица требуют соответствующих дискурсивных условий. Для «сверхвежливого» 3-го лица — это архаизованный официоз или интервью в ситуации публичного общения (и там, и там имеет место дистанция в ролевом статусе собеседников). Для «антивежливого» 3-го лица — это диалогическая разговорная речь и более или менее равный ролевой статус общающихся.

Наши наблюдения над употреблением граммемы 3-го лица наглядно демонстрируют связь грамматики с дискурсивными условиями. Говорящий, реализуя свою иллокутивную интенцию (в том числе укладывающуюся в противопоставление «эмпатия — антипатия»), несвободен в выборе грамматических средств. Жанрово-стилевые рамки общения обуславливают использование тех или иных «языковых техник», заложенных в памяти носителя языка. Грамматика оказывается распределена, рассредоточена по разным дискурсивным условиям.

Источники

- Арканов А. Вареная курица в четверг // Арканов А. Всё. М. : ИКПА, 1990.
Битов А. Дверь // Битов А. Аптекарский остров. Л. : Сов. писатель, 1968.
Битов А. Фиг // Битов А. Аптекарский остров. Л. : Сов. писатель, 1968.
Брагинский Э., Рязанов Э. Гараж // Брагинский Э., Рязанов Э. Ирония судьбы, или С легким паром. Комедии для театра. М. : Сов. писатель, 1983.
Булгаков М. Мастер и Маргарита. Frankfurt/Main : Посев, 1971.
Доңцова Д. Бенефис мартовской кошки. М. : ЭКСМО, 2003.
Доңцова Д. Но-шпа на троих. М. : ЭКСМО, 2003.
Драгунский В. Ровно 25 кило. URL: <https://deti-online.com/skazki/rasskazy-dragunskogo/rovno-25-kilo/>.
Кнорре Ф. Родная кровь. URL: http://www.lib.ru/PROZA/KNORRE_F/rodkrov.txt.
Коляда Н. Землемер // Коляда Н. Собр. соч. : в 12 т. Т. 6 : Пьесы. Екатеринбург : Каменск-Уральская тип., 2016.

- Леонов Н. Трактир на Пятницкой. Л. : Лениздат, 1989.
Мандельштам Н. Вторая книга. М. : Московский рабочий, 1990.
Маринина А. Убийца поневоле. М. : ЭКСМО, 1995.
Маршак С. Умные вещи. Сказка-комедия. М. : Дет. лит., 1966.
Набоков В. Отчаяние // Набоков В. Собр. соч. : в 4 т. Т. 3. М. : Правда, 1990.
Набоков В. Подлец // Набоков В. Собр. соч. : в 4 т. Т. 1. М. : Правда, 1990.
Попов В. На прощанье // Попов В. Две поездки в Москву. Л. : Сов. писатель, 1985.
Пьещух В. Я и прочее. М. : Худож. лит., 1990.
Устинова Т. Пять шагов по облакам. М. : ЭКСМО, 2006.
Устинова Т. Саквояж со светлым будущим. М. : ЭКСМО, 2006.
Чехов А. П. Жених и папенька // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Т. 4. М. : Наука, 1976.
Чехов А. П. Мыслитель // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Т. 4. М. : Наука, 1976.
Шукшин В. Обида // Шукшин В. Избр. произведения : в 2 т. Т. 1. М. : Молодая гвардия, 1975.

Исследования

- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974.
Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М. ; Л. : Учпедгиз, 1947.
Норман Б. Лицо и другие грамматические категории глагола // *Personalität und Person* / Hrsg. von H. Jachnow [et al.]. Wiesbaden : Harrasowitz Verl., 1999. С. 203–232.
Норман Б. Ю. Прагматический потенциал русской лексики и грамматики. Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2017.
Норман Б. Ю. О собеседнике — в 3-м лице // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации : материалы Междунар. науч. конф., состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М. : Полит. энциклопедия, 2018. С. 188–194.
Пехливанова П., Буров С. За един особен начин на обръщение в интервю // Български език. 1988. Кн. 5. С. 446–450.
Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М. : Изд-во АН СССР, 1960.
Forchheimer P. The Category of Person in Language. Berlin : Walter de Gruyter & Co., 1953.
Jakobson R. Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb (Russian Language Project. Department of Slavic Languages and Literatures). Cambridge, Mass. : Harvard Univ., 1957.

References

- Benveniste, É. (1974). *Obshchaia lingvistika* [Problems in General Linguistics]. Moscow: Progress. (In Russian)
Forchheimer, P. (1953). *The Category of Person in Language*. Berlin: Walter de Gruyter & Co.
Jakobson, R. (1957). *Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb (Russian Language Project. Department of Slavic Languages and Literatures)*. Cambridge, Mass.: Harvard University.
Norman, B. (1999). *Litso i drugie grammaticheskie kategorii glagola* [The Person and Other Verbal Categories]. In H. Jachnow et al. (Eds.), *Personalität und Person* (pp. 203–232). Wiesbaden: Harrasowitz Verlag. (In Russian)
Norman, B. Ju. (2017). *Pragmaticheskii potentsial russkoi leksiki i grammatiki* [Pragmatic Potential of Russian Lexis and Grammar]. Yekaterinburg; Moscow: Kabinetnyi uchenyi. (In Russian)
Norman, B. Ju. (2018). O sobesednike — v 3-m litse [Referring to the Interlocutor in the Third Person]. In I. A. Sharonov (Ed.), *Vezhlivost' i antivezhlivost' v yazyke i kommunikatsii: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, sostoyavsheisya v Institute lingvistiki RGGU 23–24 oktyabrya 2018 g.* [Politeness and Anti-politeness in Language and Communication: Proceedings of Intern. Scholarly Conf. Held at the Institute of Linguistics RSUH on 23–24 October 2018] (pp. 188–194). Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. (In Russian)

Pekhlivanova, P., & Burov, S. (1988). Za edin osoben nachin na obrashchenie v intervju [About One Special Way of Address in an Interview]. *Balgarski ezik*, 5, 446–450. (In Bulgarian)

Shvedova, N. Yu. (1960). *Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi* [Sketches on Syntax of Colloquial Russian Speech]. Moscow: USSR Academy of Sciences Press. (In Russian)

Vinogradov, V. V. (1947). *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian Language. The Grammatical Doctrine about the Word]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz. (In Russian)

Норман Борис Юстинович

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры теоретического
и славянского языкознания
Белорусский государственный университет
220030 Беларусь, Минск,
пл. Независимости, 4;
ведущий научный сотрудник
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: boris.norman@gmail.com

Norman, Boris Justinovich

Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of Theoretical and Slavonic
Linguistics
Belorussian State University
4, Nezalezhnasti Ave., 220030 Minsk, Belarus;
Leading Researcher
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: boris.norman@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8520-5387
Scopus ID: 57192290727